

Первая волна разбойников уже поднялась до середины склона. Они медленно наступали, и в воздухе висело напряжение.

У Фэн тем временем со своей конницей из шестидесяти-семидесяти человек нерешительно топтался на месте у подножия горы. Все поголовно бранили тех, кто был наверху, и нетерпеливо потирали руки, дожидаясь, пока передовые пешие отряды расчистят путь, чтобы ринуться наверх и устроить кровавую бойню.

Цзя И уже не впервые сталкивался с подобным, но на этот раз всё было совсем не так, как раньше. Раньше под его началом находились самые элитные бойцы и самое передовое оружие, а теперь на вершине горы он остался совсем один, и его сердце исступленно колотилось в груди от дурного предчувствия. Перекатившись назад, он зычно рявкнул вниз:

— Катите валуны!

Сжав рукоять меча, Цзя И перерубил веревки, удерживавшие сваленные у низкорослых деревьев камни. Освободившись от преград, валуны с грохотом помчались вниз по склону. Набирая скорость под действием силы тяжести, в мгновение ока они врослись в щиты впереди наступавших разбойников, сметая их вместе с людьми.

Воспользовавшись царившей в рядах неприятеля сумятицей, Цзя И перерубил канаты у остальных каменных завалов. Эти камни катились волна за волной, казалось, им не будет конца. Наконец бандиты поддались панике и бросились наутёк к подножию горы.

Укрывшись в тени, Цзя И заметил, как несколько главарей изо всех сил пытаются остановить беглецов. Натянув тетиву, он выпустил стрелу. Бандиты кишели единой сплошной массой и были слишком заняты паникой, чтобы заметить подлый удар, и главари один за другим падали, сраженные стрелами. Внутренняя сила Цзя И была поистине впечатляющей: стрелы летели быстрее молнии, и у разбойников просто не было шансов среагировать и увернуться.

Увидев, что разбойники обратились в бегство, Цзя И легко выдохнул, мысленно назвав себя счастливым.

У Фэн, заметив отступление своих людей, пришел в ярость и собственноручно снес головы первым попавшимся под руку беглецам. Человек с бледным лицом уже успел разнять раненых и тут же приказал коннице спешиться, смешав всадников с пехотой для формирования третьей волны атаки.

Бледнолицый проанализировал только что завершившееся столкновение. Сначала он решил, что противник сосредоточил все основные силы на вершине, а когда его собственный авангард побежал, враг упустил момент для контратаки, чему бледный даже мысленно обрадовался. Но и в этот раз противник повел себя точно так же, тупо обороняясь вместо того, чтобы воспользоваться моментом и нанести им сокрушительный удар. Внезапно в голове бледнолицего мелькнула догадка: враг не то чтобы не хотел контратаковать, у него просто не было на это сил.

Раз уж основные силы противника наверняка сбежали, на вершине должны были остаться лишь смертники для прикрытия отхода, и их должно быть совсем немного. После двух предыдущих стычек все оборонительные приспособления у них тоже наверняка истощились, и Бледнолицый, разумеется, не собирался давать врагу передышки. Он отдал приказ немедленно начать третью атаку на вершину.

У небольшого числа людей были свои преимущества — они двигались необычайно быстро.

Пока разбойники всё еще пребывали в панике, У Динь сотоварищи уже добежали до конюшни и, как велел Цзя И, отвязали по коню на каждого. Услышав незадолго до этого план Цзя И и поняв, что у них есть шанс выжить, они воспрянули духом. К тому же, видя, что Цзя И в одиночку сумел отбить атаку разбойников, они прониклись к нему еще большим благоговением.

Дождавшись, пока неприятель отступит, Цзя И сделал остальным знак рукой, приказывая убираться как можно быстрее. Некоторые воины еще испытывали некоторое сожаление, но, вспомнив искусство владения мечом Цзя И, всё же прищипорили коней и изо всех сил хлестнули их по крупам. Подняв вой, свыше двух десятков резвых скакунов вырвались из лагеря и вихрем помчались на север.

Зазвучали горны, и разбойники снова повалили снизу. На этот раз, не считая пяти-шести человек из свиты У Фэна, в бой двинулись все до единого, а Бледнолицый и вовсе мчался впереди всех. Бандиты вмиг стряхнули с себя следы двух предыдущих поражений и наперегонки полезли на вершину.

Цзя И прикинул время: те воины уже должны были уехать достаточно далеко. Ему же было некогда предаваться праздности и разглядывать карабкающихся на гору бандитов. Он тут же вскочил на ноги и побежал к конюшне — там оставался последний скакун. Поспешно обмотав лошадиные копыта тряпками, он достал веревку, намертво привязал себя в седле, вскочил на коня и помчался на юг.

Хотя разбойники были свирепы, дважды обжегшись, они поуменьли. Прорвавшись через середину склона, их некогда ровный строй рассыпался: теперь люди держались друг от друга на расстоянии более чжана, опасаясь вражеских валунов и камней.

Эта атака Бледнолицего стала для Цзя И полной неожиданностью. Он никак не ожидал, что противник раскусит его блеф и не оставит ему времени на побег, прежде чем штурмовать вершину.

Некоторые разбойники первыми ворвались на вершину и, обнаружив пустой палаточный лагерь, растерялись, не зная, что и делать.

Подоспевший Бледнолицый окинул лагерь взглядом, заметил беспорядочные следы копыт, ведущие на север, и приказал разбойникам преследовать беглецов.

Хотя в последние дни Цзя И и освоил верховую езду, ему всё же было далеко до профессиональных воинов и разбойников. Он не успел отъехать далеко, как с севера донеслись шум и крики, от которых содрогалось небо. Цзя И мысленно устыдился: он вызвался прикрывать отход, и воины наверняка посчитали его благородным и самоотверженным героем, бросившимся на амбразуру ради других, и подумать не могли, что на самом деле он применил хитрость с линькой цикады, используя их как приманку, чтобы увести врагов за собой и спасти собственную шкуру.

В этот момент воздух у уха Цзя И холодно свистнул, и острая стрела чиркнула прямо по его щеке.

Пять-шесть разбойников, полагавшихся на свое выдающееся мастерство верховой езды, уже догнали Цзя И. Откуда им было знать, что он накрепко привязан к седлу? Заметив приблизившихся врагов, Цзя И взмахнул длинным мечом и одного за другим порубил следовавших по пятам преследователей. Вдруг конь под ним жалобно заржал и рухнул как подкошенный — заднюю ногу животного насквозь пронзила внезапная стрела.

Цзя И яростно взревел, перерезал веревки, в мгновение ока вскочил на ноги и бросился бежать сломя голову. Он нёсся вперед, не разбирая дороги и спасаясь бегством, в то время как позади него уже скакали два быстрых коня.

Поняв, что оторваться от преследователей не удастся, он резко свернул, бросился в густые заросли чащи и покатился в высокую траву, где затаился. Подоспевшие лошади остановились, седоки резко натянули поводья, изо всех сил осаживая скакунов.

Едва пришельцы замерли, как их тела взмыли в воздух. Справа и слева сверкнули два длинных меча, превратившись в багровые ленты, которые рухнули на Цзя И. Оба нападавших действовали слаженно, стремясь убить врага с одного удара.

Цзя И никак не ожидал, что эти двое окажутся настолько сильны, и что он по собственной глупости угодит в чужую ловушку. Выругавшись про себя, он откатился в сторону. Позади с резким свистом рассекала воздух трава, и когда Цзя И обернулся, все стебли были срезаны до самого корня.

Только теперь он заметил стоявших рядом двоих людей в черных одеждах и масках. Их бронзовые мечи длиной чуть больше трех футов отливали зловещим багрянцем — с первого же взгляда было ясно, что это далеко не обычное оружие.

Понимая, что сегодня ему наверняка не выжить, Цзя И глухо взревел, взмыл в воздух и обрушил свой клинок на того, кто стоял слева.

Тот легко хмыкнул, взмахнул запястьем, и меч, заструившись подобно шелковой ленте, навстречу столкнулся с клинком Цзя И. Не понимая, как именно противник управляет с оружием, Цзя И видел лишь его презрительную ухмылку и яркое багровое сияние, залившее чужую руку.

Раздался звонкий удар. Глухо застонав, Цзя И почувствовал, как у него онемела ладонь в развилке большого и указательного пальцев, а от чужого меча в его сторону хлынула чудовищная волна силы. Сделав в воздухе сальто, он приложил все мыслимые усилия, чтобы погасить этот страшный импульс.

Приземлившись, Цзя И тут же отскочил назад.

Противник шагнул следом, не уменьшая багрового сияния, и занес меч над головой, словно огромный топор, готовый рассечь Цзя И пополам.

Делать было нечего. Собрав всю оставшуюся ци в руках, Цзя И плашмя прижал меч к груди, принимая на себя удар чужого клинка. Левая рука Цзя И заходяв ходуном: в мгновение ока алый меч обрушился на его клинок добрый десяток раз. Тяжелая, мощная волна силы передалась по лезвию прямо в руки Цзя И — ощущение было таким, будто его ударило током, и всё тело онемело.

Стихия меча держится на мощи и простоте, круша сложные формы. Но этот меч шел путем гегемона — легкий и стремительный.

И вот теперь этот человек перевернул всё с ног на голову, используя изящный меч как тяжелый палаш, что красноречиво свидетельствовало о его невероятной, потрясающей воображение физической силе.

В следующую секунду Цзя И почувствовал острую боль в запястье: кожа на ладони лопнула, меч вылетел из рук и со звоном упал далеко на землю.

Увидев, что соперник разоружен, нападавший подался вперед, сменив рубящий удар на колющий, и устремил острие прямо в грудь Цзя И.

Цзя И стоял на месте, полностью онемевший и неспособный пошевелиться, отчетливо понимая, что сейчас погибнет от этого клинка. В этот самый критический момент раздался громкий окрик:

— Остановись!

Глас прозвучал подобно гроссу среди ясного неба, едва не оглушив Цзя И и заставив его уши звенеть.

Тот человек отпрянул и отвел меч, с подозрением оглядываясь по сторонам. Сложив руки в приветствии, он произнес:

— Я Гай Не из Сясяна. Все мы — люди из Цзянху. У нас с этим товарищем старые личные счёты, так что прошу вас, почтенный, не суйтесь в чужие дела.

Его слова звучали вежливо, но на деле это было завуалированной угрозой.

Цзя И стоял с бесстрастным лицом, хотя имя Гай Не накрепко врезалось ему в память. В его голове лихорадочно закрутились мысли. Раз уж эти двое явились в масках, они явно не хотели светить своими лицами, а этот дурачок взял и сам выложил свое имя — похоже, его умственные способности находились в жуткой диспропорции с боевым мастерством. Однако текущая ситуация была для него крайне неблагоприятной: отступись он хоть в чем-то, и его кости останутся гнить в этой глуши.

Сдалека донесся долгий свист, который быстро приближался. Цзя И увидел, как чья-то молниеносная фигура заслонила его собой. Источником этого свиста был как раз прибывший человек.

Бросив взгляд на Гай Не и его напарника, пришелец равнодушно бросил:

— Убирайтесь.

Голос его был едва слышен, но каждый присутствующий разобрал слова кристально чисто.

Гай Не взревел, его меч запел, и сам он, обратившись молнией, метнулся к Цзя И.

Не успел Гай Не преодолеть и полпути в воздухе, как вдруг почувствовал неладное: из рукава того, кто встал перед Цзя И, вылетела полоса ослепительного света. Гай Не обладал первоклассной реакцией и тут же рубанул мечом. Едва клинок соприкоснулся с сияющей полосой, как он ощутил пустоту в руке — меч вылетел у него из пальцев. В тот же миг шею защищало от холода: судя по всему, его задело острием. Перевернувшись в воздухе, он поспешно отскочил назад. А сияющая лента с щелчком втянулась обратно в рукав незнакомца.

Гай Не протянул руку и тронул шею — на кончиках пальцев осталась тонкая полоска крови. Он втянул в себя холодный воздух: если бы противник не сдержался, он бы уже расстался с головой.

— Меч Трех Абсолютов? Ты — Алый Меч Гай Не! — неожиданно воскликнул второй человек в маске. Тут же испуганно поправившись, он заискивающе произнес: — Старший, мы...

Гай Не поднял руку, оборвав его на полуслове, и всё тем же ровным голосом произнес:

— Мы с братом Янем в каком-то смысле тоже товарищи. Убирайтесь.

Гай Не и его напарник переглянулись и, прекрасно понимая, что им двоих не одолеть Гай Не, лишь свирепо зыркнули на Цзя И и молча повернулись уходить.